

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.Б. Хитрук

**ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ**

Учебное пособие

Томск
2015

УДК 141
ББК 87.6
Х 524

Хитрук Е.Б.

Х 524 Гендерная проблематика в современной философии : учебное пособие. –
Томск: Томский государственный университет, 2015. – 60 с.

ISBN 978-5-94621-482-7

Пособие включает в себя конспект лекций по курсу «Гендерная проблематика в современной философии», вопросы к зачету, примерные темы докладов и рефератов.

Для студентов философского факультета, обучающихся по специальности «Философия». Издание может быть полезно всем интересующимся гендерной проблематикой в философии.

**УДК 141
ББК 87.6**

Рецензент ***В.И. Красиков***,
доктор философских наук, профессор

ISBN 978-5-94621-482-7

©Хитрук Е.Б., 2015
©Томский государственный университет, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное учебное пособие написано на основе лекций, читаемых автором студентам четвертого курса философского факультета Томского государственного университета.

Мужское и женское, с одной стороны, являются категориями обыденного языка и опыта, без употребления которых, без «сверения» с которыми своих жизненных практик не может обойтись ни один человек. Одновременно с этим мужское и женское представляют собой значимые категории философского дискурса, играющие важную роль в становлении и развитии онтологической, антропологической и социальной философских перспектив. Рассмотрение половой дихотомии в философском контексте раскрывает предельные основания циркулирующих в культуре концептов мужского и женского, а также открывает особую перспективу осмысления возможных тенденций трансформации связанных с этими концептами социальных практик.

Курс «Гендерная проблематика в современной философии» разработан с целью повышения гендерной компетентности студентов бакалавриата, получающих специальность «философия», за счет представления мужского и женского в качестве значимых философских категорий, выполняющих при этом роль связующего звена между абстрактными философскими моделями бытия, человека и социума, с одной стороны, и реальными социальными практиками – с другой.

В российском научном сообществе последние пару десятилетий ведется полемика об уместности применения понятия «гендер», а также производных от этого понятия терминов (гендерология, гендерная теория и т.п.) в русском языке, особенно в приложении к специфическим российским реалиям. Тем не менее, автор данного издания использует термин «гендер» в качестве ключевой категории для описания проблематики пола в философии классического и неклассического периодов, поскольку данное понятие в большей степени акцентирует социальный аспект половых различий.

Социальный контекст тем более важен, что эволюция способов философской концептуализации половых различий происходила от интерпретации социальных ролей мужчины и женщины как естественных следствий их анатомической или сущностной природы к раскрытию большей, а иногда и решающей роли культуры, дискурса, интерпретации в формировании специфических норм и практик пола. Поэтому и название данного учебного пособия содержит понятие «гендер», акцентируя тем самым специфику влияния смены философских парадигм на восприятие пола как продукта культуры, как того, что сформировано и полагается как «естественное» и «само собой разумеющееся» в результате реализации определенных социально заданных дискурсивных целей.

Конспект лекций, представляющий основную часть данного пособия, имеет структуру, направленную на экспликацию указанной выше эволюции. Вводная часть содержит определение главных понятий гендерной теории, во второй содержится описание классического подхода к интерпретации половых различий, а третья и четвертая части раскрывают стратегии преодоления модуса «естественности» в понимании пола в современной философии.

Пособие содержит также список тем для подготовки докладов и рефератов и вопросы к зачету.

ТЕМА 1

ВВЕДЕНИЕ. ЦЕЛИ КУРСА.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

Курс «Гендерная проблематика в современной философии» призван эксплицировать философские основания интерпретации мужского и женского в традиционном и современном обществах.

Гендерная теория чрезвычайно распространена и могущественна, институализирована в западном мире. Однако в современной российской реальности гендерные исследования стигматизированы в значительной мере. Поэтому помимо основной цели, курс преследует еще и вспомогательную цель, а именно: воспитание критического отношения к существующим предрассудкам относительно гендерной теории.

Основные параметры стигматизации гендерных исследований

1. «Мужское и женское слишком естественные, известные и каждому понятные вещи, поэтому заниматься ими на научном и философском уровнях – дело несерьезное, "женское баловство».

На самом деле обыденные представления о мужском и женском в культуре клишированы, запутаны и противоречивы. При этом от ясности и рефлексивной проработанности этих категорий зависят социальное благополучие и личное счастье большей части людей.

Современная гендерная теория несет «свет знания» в эту жизненно важную и социально значимую область человеческого существования.

2. «Гендерная теория в философии – нечто малозначительное в сравнении с основными направлениями философского знания. Нечто, что девальвирует философскую рефлексию, сводя ее с абстрактных высот на уровень хаотичной конкретики».

В действительности гендерная проблематика неотделима от основных проблем и вопросов философии. На ключевых способах концептуализации мужского и женского в философии отражаются основные процессы формирования классической онтологии и ан-

тропологии, трансформации метафизической онтологии в постметафизическую, классической антропологии в неклассическую.

При этом необходимо сразу оговорить, что:

- во-первых, невозможно рассуждать о гендерном вопросе в современной философии без обращения к классической философии, в которой были заданы основные принципы восприятия и понимания мужского и женского в западной культуре. Поэтому некоторое время в курсе отведено разговору о классической философии в гендерном аспекте;
- во-вторых, гендерная проблематика в современной философии тесно соприкасается и во многих аспектах перекликается с другими областями знания – антропологией, социологией, психологией, историей. Поэтому в материале этого курса иногда будут упоминаться интересные исследования и выводы других наук.

Основные понятия гендерной теории

Пол – биологические характеристики мужчин и женщин: анатомические, репродуктивные, хромосомные различия.

Гендер – совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола.

Патриархат – совокупность политических, экономических, общественных и идеологических отношений, характеризующихся преобладающей ролью мужчины в семье и обществе.

Сексизм – идеология и практика дискриминации людей по признаку пола, чаще всего женщин.

Феминизм – 1. Широкое общественное движение за права женщин. 2. Комплекс социально-философских, социологических, психологических и культурологических теорий, анализирующих положение женщин в обществе.

«Волны» феминизма

1. Первая «волна» – конец XVIII – начало XX в. – суфражизм – движение за предоставление женщинам избирательных и имущественных прав, доступ к образованию (*для справки: женские избирательные права: Австралия 1903, Россия 1917, Великобритания 1918, Америка 1920, Германия 1918/1948, ОАЭ 2006, Саудовская Аравия 2011*).

На этом этапе сексизм воспринимается как следствие неправильных законов.

2. Вторая «волна» – 50–80-е гг. XX в.

Для этого этапа характерно развитие феминистской теории. Появляются различные направления феминистских исследований, раскрывающие механизмы угнетения женщин в обществе. Происходит постепенная институализация женских исследований.

Сексизм воспринимается как следствие неправильных представлений о мужской и женской сущности и предназначении.

3. Третья «волна» – 90-е гг. XX века.

Для этого этапа характерно развитие феминистских исследований в сторону большего разнообразия и глубины женских проблем. В разряд «феминистских» включаются такие вопросы, как проблемы цветных женщин, геев и лесбиянок, трансгендеров и транссексуалов, мужчин и т.п.

Сексизм рассматривается как один из системообразующих элементов западной цивилизации.

Гендерные исследования – междисциплинарная исследовательская практика, реализующая эвристические возможности гендерного подхода для анализа социальных трансформаций и систем доминирования. Переход от анализа патриархата и специфического женского опыта к анализу гендерной системы.

ТЕМА 2

«МУЖСКОЕ» И «ЖЕНСКОЕ» В КЛАССИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Натурфилософия. Натурализация как вписывание мужского и женского в систему сущего, обозначение этих категорий в качестве необходимых элементов мироздания начинает развиваться с самого начала существования западной философии.

Описание космоса (мирового порядка) в натурфилософской традиции предполагает упорядочивание реальности посредством приложения к ней дуалистического принципа. Упорядочено то, что описано посредством бинарных оппозиций (термины в паре, которые не существуют друг без друга, первый термин превалирует над вторым). Поэтому мужское и женское благополучно вписывались в общую дуальную структуру космоса.

Ярким примером подобного «включения» половой дихотомии в систему категорий, описывающих мироздание, является учение Пифагора (576 – 496 до н.э.).

Философия Пифагора объявляет единым первоначалом всего сущего, праэлементом, архэ или натурой мироздания число. Однако сами числа слагаются из двух элементов: 1) неопределенный и 2) определенный. Соответственно в каждом конкретном числе преобладает один из этих элементов, а следовательно, все числа можно разделить на два типа – четные (преобладает неопределенный элемент) и нечетные (преобладает элемент определенный). В связи с этой изначальной двойственностью сам мир, слагающийся из двух типов чисел, имеет две стороны. И каждое конкретное сущее может быть отнесено к одной из них посредством десяти фундаментальных контрарностей: предел – беспредельное, нечетное – четное, единое – множественное, правое – левое, светлое – темное, покоящееся – движущееся, квадрат – прямоугольник, прямое – кривое, хорошее – плохое, мужское – женское.

Как видим, это разделение не лишено и определенных аксиологических коннотаций. Мужское ассоциируется с прямым, светлым,

хорошим. Тогда как женскому началу отводится роль кривого, темного и плохого.

Античная классика. По мере того, как философский интерес смещается от космологии к метафизике и антропологии, ключевыми становятся следующие бинарные оппозиции: разумное/чувственное; духовное/телесное.

Мужское и женское вписываются в этот ряд ключевых оппозиций, подчиняясь общему дуалистическому принципу в онтологии и антропологии.

Платон знаменит, помимо прочего, своим негативным отношением к телесному началу в человеке. Тело – оковы души (Миф о пещере), мешающие человеческому совершенствованию и, в конечном итоге, – счастью. Соответственно, телесное восприятие мира или чувственное познание – это путь, не способный привести к истине, поскольку чувства обманывают, затуманивают, отвлекают и развращают человека.

В диалоге «Пир» Платон проводит разграничение видов человеческой любви, выделяя два основных: пошлая любовь (корыстная, телесная, чувственная, к женщинам) и небесная любовь (бескорыстная, ведущая к совершенству, духовная, мужская). Почему небесная любовь – любовь между мужчинами? Платон отвечает довольно определенно: потому что «мужчина умнее и сильнее от природы». Таким образом, разделение видов любви подчеркивает распределение мужского и женского в соответствии с указанными выше основными бинарными оппозициями: мужское – разумное, душевное; женское – чувственное, телесное.

Таким образом, в античности начинает закрепляться неизменное дискурсивное тождество между активным, субъектным, духовным, разумным и мужским, с одной стороны, и пассивным, объектным, телесным, чувственным и женским, – с другой.

Данное слияние приоритетов разума, активности и мужественности получило в современной философии название фаллоцентризма.

Аристотель. Главный онтологический принцип, по Аристотелю, – все сущее может быть описано с помощью двух категорий –

материи и формы. Остальные категории тоже распределяются по парам и могут быть сведены к материи и форме – активное/пассивное, необходимое / случайное, актуальное/потенциальное, субстанциальное/акцидентальное и т.п.

В этом контексте женское/телесное – это не чистая негативность, а один из родов сущего, который имеет свои собственные функции, выполняемые под контролем мужского/разумного начала. Предназначение женщины – служить мужчине, принося пользу в семье и государстве посредством занятия домашним хозяйством. Женщина и мужчина – раб и господин: сущность раба – служить господину. Женское положение основано не на социальном, а на естественном рабстве, то есть в принципе не может быть изменено.

Средневековье. Средневековая философия не есть изложенное философским языком христианское мирозерцание. Средневековая философия говорит на античном философском языке, заимствует методологию и общие дуалистические установки онтологии и антропологии античности. Средневековая философия – переосмысленная на религиозной почве философия Платона и Аристотеля, и средневековые концепции пола не являются в этом плане исключением.

Патристика. Патристическая традиция перенимает негативное отношение платонической философии к телесному началу. Поэтому все чувственное, телесное, женское оценивается отрицательно и объявляется греховным. Если женщина желает спастись, то она должна преодолеть в себе собственно женское начало.

Схоластика. Схоластическая традиция воспринимает основные установки философии Аристотеля и в соответствии с ними не отрицает чувственное, телесное, женское, а определяет этого рода реальности особое место в сущем, сопряженное с определенными функциями, главная из которых для женщины безусловно связана с продолжением рода. Правильная реализация единственного естественного предназначения женщины должна происходить под контролем созидательного разумного мужского начала.

Просвещение. В это время происходит легализация чувственности и телесности в гносеологическом аспекте как необходимых составляющих познавательного процесса. Соответственно, переосмысливается и значение женского.

Однако сохраняется приоритет разума, которому все-таки принадлежит решающая роль в познании. Соответственно, женское должно быть «под контролем» мужского.

Новое время. В XIX веке происходит так называемый «антропологический поворот». Мужское и женское как значимые аспекты человеческой жизни становятся предметом пристального интереса. Особое внимание к «половому вопросу» выводит данную проблематику из многовековой «тени» онтологии, антропологии и гносеологии. Становятся явными бинарные предпосылки концептуализации мужского и женского в классической философии, а также становятся явными основные недостатки и теоретические границы такого подхода.

Апогей классической интерпретации: Артур Шопенгауэр «О женщинах».

В своем эссе Артур Шопенгауэр исходит из само собой разумеющихся пассивности, подчиненности и бессилия женского начала (оперирует выражениями «самый вид», «стоит только взглянуть» и т.п.). Обобщая «очевидные» характеристики женского пола, он утверждает, что женщина – это «род промежуточной ступени между ребенком и мужчиной, который и есть собственно человек». Природа снабдила женщину такими естественными врожденными качествами, как скудный рассудок (слабоумие), неспособность к обобщению, склонность к состраданию при полной неспособности к справедливости, лживость, притворство, неверность и даже мелкое воровство.

Единственное назначение женщин в природе и обществе видит-ся А. Шопенгауэру в продолжении рода. Даже красота является слишком возвышенным идеалом для такого односторонне предна-

значенного существа. Если взглянуть на женщину вне ее половой функции, она с неизбежностью предстанет как неизящное и неэстетичное существо: «низкорослый, узкоплечий и широкобедрый пол мог назвать прекрасным только отуманенный побуждением рассудок мужчины: вся его красота и кроется в этом побуждении».

Любые интеллектуальные увлечения женщин – лишь «обезьянство для целей кокетства».

Женщина должна смириться со своим местом «№2 человеческого рода» и не должна стремиться к какому бы то ни было равенству с мужчиной.

Особенно эта природная второстепенность женского проявляется тогда, когда по каким-то внешним причинам женщина предоставляется сама себе, становится независимой. Тогда она сама ищет возможность избавиться от своей независимости и вручить свою судьбу в руки мужчины. Женщине необходим господин, заключает А. Шопенгауэр: «если она молода – им будет любовник, стара – духовник».

Все основные тенденции классической философской интерпретации мужского и женского в теории Артура Шопенгауэра «выходят на поверхность». Двухтысячелетняя традиция дуалистической дескрипции бытия сделала очевидным и естественным второстепенное положение женского пола.

Выводы

Классический философский дискурс натурализует:

- 1) эссенциализм – представление о том, что в бытии укоренены некие мужская и женская сущности.
- 2) поляризацию полов – представление о том, что эти сущности противоположны друг другу.
- 3) субординацию полов – представление о том, что мужской пол обладает онтологическим, гносеологическим, аксиологическим и другими преимуществами по отношению к женскому полу.

Таким образом, «мужское» и «женское» предстают в классическом философском дискурсе как философские категории, тесно связанные с дуалистическим представлением об устройстве мироздания и устройении человека.

Категории «мужского» и «женского» являются необходимым посредником, обращающим принципы классического философского дискурса в социальные и культурные нормы, доводящим эти принципы до конкретной жизни индивидов.

«Пограничные» теории классического периода: Отто Вейнингер и Георг Зиммель

В XIX – XX веках представление о полах выходит из тени онтологии и антропологии. Главным образом это происходит в связи с тем, что женское движение ставит перед обществом ряд насущных вопросов и многие философы уже не могут совсем не говорить о мужском и женском. Женский вопрос – своеобразный вызов времени. Как говорил Николай Александрович Бердяев, сознание нашей эпохи стоит под знаком разоблачения и познания тайны пола в человеке. Её нельзя больше скрывать.

Половой эссенциализм, вырываясь из-под гнета онтологии и антропологии, достигает своего апогея и при этом обнаруживает свои границы.

Отто Вейнингер «Пол и характер»

Австрийский философ Отто Вейнингер в самом начале XX в. предпринял фундаментальное исследование мужского и женского начал. С его точки зрения, поскольку реальные проявления мужского и женского чрезвычайно разнообразны, необходимо применить для описания пола некие идеальные величины – М и Ж (представляющие собой совокупность типичных признаков мужского и женского полов).

М и Ж – абстракции и в реальности не встречаются. Однако настоящий ученый должен рассматривать М и Ж в качестве пред-

метов изучения, несмотря на их абстрактность, точно так же, как физик изучает свойства абсолютно твердого или абсолютно упругого тела, не смущаясь тем фактом, что в эмпирической действительности подобные абсолютные феномены не имеют места. Таким образом, реальное разнообразие половых проявлений может быть исследовано с помощью идеальной конструкции М и Ж, налагаемой на реальность и тем самым проявляющей в ней существенные характеристики пола. В самой же реальности каждый человек представляет собой некое уникальное смешение М и Ж, и по природе своей может быть признан бисексуальным.

С этой позиции может быть впервые адекватно и по существу оценено волнующее умы современников Вейнингера женское движение. Феминизм – это не отстаивание женщинами разнообразных социально-политических привилегий, доступа к образованию или определенному положению в обществе. Острота «женского вопроса» связана, прежде всего, с желанием женщины «внутренне сравняться с мужчиной, достичь его духовной и нравственной свободы, его интересов, его творческой силы». Однако необходимо понимать, что стремление к такому равенству в принципе не может быть свойственно женщинам. Женские амбиции равенства с мужчинами – законные и типичные притязания М, прорывающиеся сквозь женскую внешность. Подтверждением этого является тот факт, что внешность, манера поведения и сексуальные предпочтения эмансипированных женщин – мужские. Мужские псевдонимы, сексуальное влечение к женщинам или любовь к женственным мужчинам – неизменные спутники всех эмансипированных дам. Даже если перед нами по-настоящему талантливая и при этом женственная женщина, то при более пристальном рассмотрении ее талант представляется следствием большого труда по его воспитанию и поддержке со стороны какого-то мужчины – отца, мужа или брата.

«Долой женское движение!» – заключает Отто Вейнингер. В основе этого движения – мужественность, а не женственность. Поэтому женское движение должно быть признано бессмысленным и вредоносным. Развиваемое изначально в среде женщин с сущност-

ным преобладанием М в дальнейшем это движение становится модой, «заражающей» в том числе и тех женщин, которым по их внутренним задаткам совсем не свойственно стремление к равноправию. Благодаря такой неоправданной экспансии, подлинное предназначение Ж искажается лживыми и искусственными в основе своей стремлениями. Долой нелепую фразу о «полном равенстве»! Только мужественности внутри себя эмансипированная женщина обязана всей своей значительностью.

Сравнение списков выдающихся женщин и мужчин не может, вопреки назойливому желанию феминисток, свидетельствовать в пользу женского таланта и его систематического несправедливого угнетения. Напротив, «при внимательном рассмотрении лица женского списка доказывают только мужественность гения».

М и Ж противоположны друг другу. М есть совокупность всего значительного и талантливое, движущая и возвышающая сила в бытии и социуме, воплощение рациональности, духовности, осмысленности, гениальности, потенциала действительного творчества и познания.

Ж – незначительная и безличная тень мужского, все самое ничтожное, бессубъектное, вещное в человеке.

Несмотря на абстрактность М и Ж, их смешение на практике приводит к превалированию в каждом отдельном человеке одного из этих двух начал. А следовательно, при всем разнообразии промежуточных форм каждый человек все же или мужчина

или женщина. Пренебрегать этой двойственностью нельзя, поскольку именно она высвечивает фундаментальную иерархию в человеческом сообществе: «как бы низко ни стоял мужчина, он все же бесконечно выше самой возвышенной женщины; настолько выше, что не может быть речи о сравнении, о сопоставлении».

Будучи существом второго сорта, женщина все усилия тратит на то, чтобы понравиться мужчине, вовлечь его в сложные сети межполовых отношений. И главным орудием ее на этом пути становится возбуждающая воображение чувственность и сексуальная притягательность. Мужчина же своей любовью сообщает женщине

бытие, превращает ее из существа женского рода в женщину в собственном смысле. И в этом заключается его страшная вина.

Одновременно со своей «ничтожностью» женственность представляет собой и «серьезную опасность». Эта опасность кроется в том, что ощущая свою подлинную негативную суть, женщина обращается к мужчине для того, чтобы он наделил ее существование смыслом. Более того, женщина в этой борьбе за свое существование целенаправленно использует самое опасное для мужчины орудие – сексуальность. Надевая маску безразличия к сексуальной сфере, создавая образ своей сущностной асексуальности, женщина внушает мужчине, что сексуальность на самом деле необходима именно ему и что удовлетворить вполне эту важную потребность он может лишь связав свою судьбу с определенной женщиной и сообщив ей, таким образом, и бытие, и смысл, и значительность.

Результаты женской манипуляции поражают: в обществе закрепляется представление о том, что связь с женщиной – непременное условие мужского успеха. Овладение женщиной становится даже критерием самой мужественности – число союзов, наличие половой связи рассматриваются как «свидетельство достоинства мужчины». Однако это высокое значение сексуальности выгодно прежде всего именно женщинам, поскольку половой акт является их единственным способом закрепиться в бытии.

Очевидная ничтожность женщины и ее манипулятивная власть имеют не природные, а социальные корни. Обладая рабским сознанием, получая удовлетворение от своей зависимой роли, женщина все же остается человеком, и к ней должно относиться с уважением, хотя она и сопротивляется этому.

В действительности женщина есть существо недостойное уважения прежде всего по той причине, что женщины не уважают сами себя.

Женщина нуждается не в презрении, но в понимании для того, чтобы однажды она смогла бы выйти за рамки замкнутого круга своего рабского ничтожества, с одной стороны, и претензий на власть посредством сексуальности – с другой. Это понимание, призванное воспитать в женщине уважение к самой себе, должно

привести в итоге к самоуничтожению женщины или, точнее, к ее самопреодолению, главной чертой которого должно стать внутреннее, искреннее, добровольное отвержение полового акта.

Таким образом, Отто Вейнингер подходит к границе эссенциальной интерпретации пола, но не концептуализирует ее. Его прозрение о социальной природе противопоставления полов так и остается на уровне интуиции.

Георг Зиммель «Женская культура»

Более детальный анализ границ эссенциалистской интерпретации пола принадлежит знаменитому немецкому философу и социологу Георгу Зиммелю. В своем эссе «Женская культура» Г. Зиммель определяет культуру «как совершенствование индивидов, которое достигается посредством объективации духа в исторической деятельности рода». Таким образом, культура представляется как уникальный синтез субъективного и объективного аспектов. Субъективный аспект предполагает наличие стремящихся к совершенствованию и возвышению субъектов. Объективный аспект – накопленные поколениями объективные знания, нравы и ценности.

С позиции данного определения культуры суть женского движения становится, по Г. Зиммелю, вполне очевидной: женское движение проблематизирует только субъективный аспект человеческой культуры. Странники феминизма обозначают свои претензии исключительно в субъективном плане, проблематизируя в своей деятельности лишь возможности приобщения к объективному культурному багажу представительниц женского пола и не затрагивая перспективу преобразования самого этого объективного аспекта культуры, его дополнения специфическим женским содержанием.

Соответственно, главный вопрос женского движения должен быть сформулирован следующим образом: способны ли женщины изменить объективное содержание культуры, обогатить его чем-то новым, а не только дополнять уже существующие формы? Это во-

прос «о принципиальном отношении женской сущности к объективной культуре».

Если женщина может приобщаться к созданному, но не может создавать, то она – существо вторичное, и все главные претензии феминизма не имеют смысла, поскольку только подтверждают ущербность женской природы. Разобраться в этом вопросе – насущная задача философа, пытающегося сформировать рефлексивное и адекватное представление о женском движении в современности.

Первое, что необходимо отметить, согласно Г. Зиммелю, в плане исследования полового вопроса, это тот важный факт, что человеческая культура не является бесполой. То, что принято называть объективной культурой, на самом деле является творением мужчин. Искусство, промышленность, торговля, наука, государство и религия, будучи мужскими произведениями, позволяют уверенно утверждать, что культура является преимущественно мужским феноменом. Наивная убежденность в сверхполовом, объективном существе культуры проистекает из такого же наивного отождествления «мужчины» и «человека», традиционной универсализации мужского.

Мужской характер культуры позволяет оценить собственно мужские сущностные особенности. Главная из них – специализация или разделение сфер деятельности. Эта особенность культуры раскрывает существенную односторонность или раздробленность мужского существа (объективность, беспристрастность, неверность). В природе женщин периферия теснее связана с центром, части более соответствуют целому, чем в природе мужчин. По этой причине женщины обидчивы (поскольку связывают односторонне направленную колкость со всей своей личностью) или, например, отличаются большей верностью (поскольку ни одна частная ситуация не рассматривается женщиной самостоятельно, но только в связи с ее положением в целом) и т.п. Положительный характер этой женской особенности долгое время недооценивался из-за господства мужского языка и критериев оценки.

На этом этапе Г. Зиммель начинает осознавать, что мужские особенности как признак объективной культуры задают критерии оценки женских особенностей и придают им характер необъективности, предвзятости, пристрастности, отклонения от нормы. Средства, критерии и понятия, с помощью которых эксплицируются основные характеристики женской сущности, неизменно воспроизводят вторичное представление о женщине.

Таким образом, пытаясь «беспристрастно» и «объективно» разграничить мужскую и женскую натуру, мыслитель неизбежно впадает в необъективность и пристрастность, поскольку использует в своем труде специфически мужской инструментарий, подчиняет свой предмет мужскому критерию и языку

Нужно искать иную основу женского существования и культурного потенциала – вне мужских критериев!

Однако успехи женщин сплошь и рядом касаются подражательных по отношению к мужчинам аспектов культуры: преподавание, научное коллекционирование, музыкальное исполнение.

Может ли женщина создать что-то особенное, свое?

В поисках ответа на этот вопрос Георг Зиммель обращается к «пробелам» мужской культуры, надеясь обнаружить в них доказательства истинного творческого потенциала женщин.

Медицина: применяя особенности своей природы, женщины могли бы привнести в медицину деятельное сопереживание и тем самым помогли бы изменить эту область к лучшему.

История: историческая наука могла бы взять на вооружение женскую «вчувствующуюся фантазию» для того, чтобы восполнить недостатки «фактографической» модели исторического познания.

Литература: женщины могли бы развивать литературное творчество в тех жанрах, художественные рамки которых наиболее подвижны, наименее очерчены.

Искусство: женщины превосходны в танцах, поскольку их жесты наиболее плавны и красивы, так как предназначены для ориентации в домашнем пространстве. Актерское мастерство также соответствует женской природе в большей степени, поскольку со-

четание центра и периферии в женской натуре создает идеальную базу для вживания в образ, для убедительности актерской игры.

В итоге женщина предстает в рассуждениях Георга Зиммеля как целостное, имманентное и поэтому красивое существо.

Более всего красота и целостность женщины находят свое отражение в двух областях, «в высокой степени творческих в культурном отношении или считающихся таковыми: дом и влияние женщин на мужчин».

Дом. Для женщины дом – весь ее мир, «самодовлеющая ценность и цель». Чтобы мужчина мог перешагивать границы, устремляясь в бесконечность, эти границы должны быть хранимы.

Влияние на мужчин. Женщина вдохновляет мужчину, но не может ему ничего передать, поскольку ничего значимого не имеет.

Чем больше и в больших подробностях Георг Зиммель обрисовывает могучий творческий потенциал женской сущности, тем с большей очевидностью он осознает практическую невозможность признать имеющие место в культуре проявления женского начала оригинальным объективным содержанием культуры.

Как бы значительны ни были возможные или реальные успехи женского пола в искусстве, медицине, науке, ведении домашнего хозяйства и вдохновляющем влиянии на мужчин, все они по праву могут быть отнесены к категории «вторичной оригинальности».

Женщины не способны к созиданию чего-то принципиально иного, отличного от уже сформированных и утвержденных форм объективной мужской культуры.

Выводы. Объективная культура является мужской. Следовательно, поиски женской объективной культуры есть *contraditio in objecto*. Сам язык, с помощью которого мы проводим этот поиск, а также критерии, установки и сами понятия «культура», «мир», «объективность» – продукты мужского мировосприятия.

Достоинства эссе Георга Зиммеля в контексте современной гендерной теории:

1. Г. Зиммель раскрывает проблематику феминизма в совершенно неожиданном философском контексте сосуществования объективного и субъективного измерений культуры.

2. Г. Зиммель «прозревает» ставшее намного позднее в гендерной теории общим местом отождествление человеческого и мужского, являющееся базисом традиционной западно-европейской культуры.

3. Ставя и пытаясь решить вопрос о социокультурном потенциале женской природы в рамках эссенциальной парадигмы, автор, тем не менее, обнаруживает способность признать ее очевидные границы, связанные с предвзятостью языка, форм, и критериев размышления.

Георг Зиммель попытался выйти за рамки объективной/мужской культуры, используя эссенциализм и дуализм в интерпретации полов. На самом деле эссенциализм, дуализм, объективизм – это одно и то же. Нельзя выйти за рамки одного посредством другого.

ТЕМА 3 СТРАТЕГИИ ДЕНАТУРАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «ЖЕНСКОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Экзистенциальная стратегия: от женской сущности – к женской ситуации (Ж.- П. Сартр, С. де Бовуар)

Термин «феминизм» изначально был принят для обозначения движения за равные юридические и политические права женщин с мужчинами. Эта правовая ориентация женского движения рассматривалась как основное направление борьбы за изменение действительного положения женщин в обществе. При этом теоретические аспекты феминизма до середины XX в. имели вспомогательное значение аргументации в сложной правовой дискуссии и как таковые самостоятельного значения не получили.

По мере того, как женщины начали добиваться успеха в обретении некоторых прав и свобод (право голоса, право на образование и т.п.), слабость теоретической аргументации, ее зависимость от традиционных гегемонных мужских схем восприятия, мужской «фразеологии» становится очевидной.

Одновременно с этим продолжалось и нарастало ощущение женщинами собственной угнетенности, не смотря на изменение политической ситуации. Стал явным тот ранее незамеченный факт, что корни женской дискриминации связаны не столько с отсутствием конкретных «прав», сколько с самим «пониманием» женского в западной культуре. Это понимание независимо от внешнего положения вещей неизменно помещало женщин в ту символическую, экономическую и политическую нишу, нахождения в которой пытались избежать все участницы феминистского движения.

Первичная аргументация необходимости изменения правового статуса женщин была сформулирована либеральными феминистками. Либеральный феминизм – наиболее раннее по времени возникновения и становления направление феминизма, основанное на либерально-демократических принципах. В основу этой аргументации было положено классическое представление о человеке как существе разумном. Человек – существо разумное, женщина – человек. Следовательно, признавая женщину человеком, необходимо признать ее существом вполне обладающим этим существенным признаком человека, а значит, и способной распоряжаться собственной жизнью согласно с собственным же разумением.

С точки зрения классического либерализма, таким образом, необходимо признать «рациональность женщин», очевидную, вследствие их человечности, и это признание является достаточным аргументом для того, чтобы были выполнены соответствующие требования: право голоса, право на собственность, образование, оплачиваемый труд, и активное участие в политической и религиозной жизни общества.

Ясно выраженный акцент на политических правах и свободах придавал женскому движению практический смысл, а обращение к мужскому сообществу упрека в несправедливой дерационализации

женской природы придавало логическую обоснованность практическим притязаниям. Однако данная тактика не могла быть успешной. Сущностная модель человека уже подразумевает сущностную модель половых различий. Утверждение о том, что человек – разумное существо, благодаря теснейшей связи в классической дискурсии душевного, разумного и мужского, уже предполагает утверждение о женской неполноценности (фаллоцентризм).

Эссенциалистское представление о человеке неизбежно в рамках западной философской традиции сопряжено с эссенциалистским представлением о неполноценности женщин. Только избавление от сущностной модели человека могло способствовать действительно успешному развитию женского освободительного движения.

Философия экзистенциализма с начала XX в. определила своей задачей преодоление сущностной модели человека, утверждение и обоснование безусловного приоритета человеческого существования над какими бы то ни было трансцендентными сущностями.

С помощью целой системы категорий представители экзистенциальной философии пытаются создать новую жизненную теорию – теорию человеческого существования. Основные категории этой философии – экзистенция, ситуация, заброшенность, подлинное и неподлинное существование и т.п.

Жан-Поль Сартр (1905 – 1980 гг.) – один из самых знаменитых представителей экзистенциальной философии. В своих работах он описывает человеческое существование с помощью ряда экзистенциалов, главными из которых являются следующие:

1. Первичность существования по отношению к сущности. Ни один человек не обладает сущностью до своего существования. Только в процессе становления и проявления себя человек обретает сущность. «Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох и не плесень и не цветная капуста». Человек делает самого себя, постепенно обретает свою сущность, изначально уже обладая существованием. Процесс обретения сущности длится всю жизнь, не теряя остроты и драматизма.

2. Свобода. Если нет заданной человеческой природы, то никакая внешняя сила, никто, кроме данного индивида, не способен превратить его в человека, он должен сделать это сам.

3. Ответственность: принимая свою свободу, человек вынужден принять и ответственность за свои действия.

4. Тревога: так как ни мир, ни человек не обладают заранее известным предназначением, то система ценностей не может быть сформулирована до того, как конкретный индивид начал проектировать себя. Свободный человек не может не тревожиться, поскольку не имеет гарантий правильности своего выбора.

5. Поступок: пока мы не поступаем, мы не знаем, каковы мы на самом деле.

6. Соотнесенность с другим: границы нашей свободы очерчены свободой других людей. Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого.

Симона де Бовуар (1908 – 1986 гг.) - соратница, единомышленник и спутница жизни Ж.-П. Сартра. Она первой почувствовала и блестяще сформулировала связь экзистенциальной философии и теории феминизма.

С. де Бовуар предпринимает исследование основных путей становления женщиной, которое с особой остротой и ясностью раскрывает основополагающую «друговость» женщины в мужском мире. «Женщиной не рождаются, ею становятся» – такова основная посылка этого исследования, которое вышло в свет в 1949 г. сначала на французском языке, а, затем, и в переводах, под названием «Второй пол».

Идеи, высказанные Симоной в этой книге, оказали огромное влияние на развитие феминистской теории практически во всех ее разнообразных проявлениях.

С. де Бовуар прямо характеризует экзистенциализм в качестве основы своего подхода к пониманию женственности. Современный американский гендерный философ Джудит Батлер охарактеризовала «Второй пол» как «пример и воплощение философии в ситуации».

В своем исследовании де Бовуар утверждает, что для женщины экзистенциальная свобода проектирования себя имеет жесткое ограничение. Женщина может проектировать себя лишь как «зеркало мужчины», Другое мужчины, Объект мужчины. «Вот почему особенность ситуации женщины состоит в том, что, обладая, как и любой человек, автономной свободой, она познает и выбирает себя в мире, где мужчины заставляют ее принять себя как Другого: ее хотят определить в качестве объекта и обречь тем самым на имманентность, косность, поскольку трансценденция ее будет постоянно осуществляться другим сознанием, сущностным и суверенным. Драма женщины – в конфликте между фундаментальным притязанием всякого субъекта, всегда полагающего себя как существенное, и требованиями ситуации, определяющей ее как несущественное».

Сущностная модель понимания половых различий подавляет женскую экзистенцию, удерживая женщину в неподлинном моду-се бытия.

Обладая принципиальной свободой самоопределения, женщина заброшена в ситуацию, которая затрудняет реализацию этого фундаментального экзистенциала человеческого существования, больше того, создает парадоксальную возможность «выбирать против себя», то есть проектировать себя вопреки своим собственным стремлениям и желаниям.

Женская ситуация изначально обусловлена способностью к воспроизводству человеческой жизни. Женщина зависима от способности своего тела вынашивать и рожать детей. Особенно ясно эта зависимость женщины от собственного тела проявлялась на заре истории человечества, когда основные репрессивные культурные схемы еще не были сформированы.

Не зная стабильности практически ни в чем, первобытные кочевые племена придавали деторождению слишком малое значение, что де Бовуар считает очевидным вследствие широкого распространения в древности инфантицида.

Женщина занималась делом, не имеющим в глазах общества серьезной ценности (вынашивание, рождение, вскармливание де-

тей). Данное занятие с необходимостью оказывалось сопряженным с рутинной домашней работой, ослаблением физических сил организма, невозможностью обрести навыки созидания чего-то нового, того, что могло бы иметь безусловную ценность в глазах общества.

«Женщине, рожавшей детей, была неведома гордость созидания, она чувствовала себя пассивной игрушкой темных сил, а болезненные роды были событием бесполезным, а то и досадным».

Независимо от видения женщиной своего призвания и осознания ею своих способностей, проект, навязываемый ее собственным телом, за редким исключением мог быть только один. Тело, беременеющее, рождающее, вскармливает и снова беременеющее, удерживает женскую экзистенцию в рамках биологии, блокируя возможности свободного самоопределения.

Для женщины ее тело становится биологической тюрьмой и одновременно культурной судьбой или драмой.

Деятельность мужчины в гораздо меньшей мере обусловлена его телесностью. Обеспечение семьи, добыча пищи для коллектива, военные подвиги и победы никак не могут быть признаны рутинной. Они связаны с соревновательностью и изобретательностью, совершенствованием своих навыков и, в конечном счете, могут быть признаны серией актов, «трансцендирующих животное состояние». Мужчина испытывает себя, «полагает цели и проектирует к ним пути – он реализуется как человек существующий».

Деятельность мужчины демонстрирует, что жизнь человека не есть самоцель, есть цели, для которых сама жизнь может выступать средством, – подвиг, честь, достоинство, мужество и т.п.

Однако биологическая «тюрьма» в концепции С. де Бовуар не есть биологическая предопределенность. Телесность женщины есть ситуация (в экзистенциальном смысле), а значит, ее ограничения все же могут быть преодолены.

Свидетельством тому является жизнь самой де Бовуар, которая определенно и осознанно отказалась от ролей матери, жены, домохозяйки.

Будучи ситуацией, телесность женщины должна пониматься не как «естественное предназначение», но как навязчивая возможность выбирать против своего существования.

Все, что принято называть «характером» женщины, все образы и мифы, к которым отсылает традиционное понимание женщины, сформированы совершенно определенной женской ситуацией. Поэтому они и содержат в себе много общего. Все устоявшиеся стереотипы женского несут в себе определенную долю истины, однако их нельзя считать обусловленными природой, гормонами, клетками мозга; «общество, общественное устройство, принуждает женщину вырабатывать в себе определенные качества и диктует ей формы поведения, которые предопределены ее «ситуацией»».

Традиционное представление о женщине как о Другом мужчины, как об Объекте мужчины формирует в женщинах зависимое сознание, воспринимающее себя не своими глазами, оценивающее свои жизненные перспективы не своим умом.

Данная установка транслируется из поколения в поколение, подчиняя каждое новое женское существо образу принцессы, все мечты которой связаны (или определенно должны быть связаны в глазах общества) с образом Принца, который однажды придет и решит за нее все ее проблемы.

В лучших традициях экзистенциальной философии Симона де Бовуар приходит к выводу о том, что «женская ситуация» может и должна быть изменена. Но начало изменений не может прийти извне.

Уникальная женская экзистенция должна осознать свою не объективируемую природу и приложить все возможные усилия для того, чтобы стать хозяйкой своей собственной жизни, творцом своего жизненного проекта.

Творческое самосознание и активная жизненная позиция способны, по де Бовуар, изменить мир, в котором «человеку надлежит добиться торжества царства свободы».

Внутренняя работа, постоянно проявляющаяся во внешней активности, – вот основная задача женщины, стремящейся трансцендировать свою ситуацию.

«Один только труд может гарантировать ей реальную свободу. Как только женщина перестает вести паразитический образ жизни, система, основанная на ее зависимости, рушится, исчезает необходимость в посреднике-мужчине, который связывает ее с внешним миром».

Работа Симоны де Бовуар оказала решающее влияние на возникновение и развитие «второй волны» феминизма, которая отличается большей степенью рефлексивности, большим вниманием к теоретической стороне «женского вопроса». Такие экзистенциалы, как погруженность в ситуацию, свобода, ответственность, существование как проект себя, стали подлинной основой нового понимания женщины.

Дискурсивная стратегия: от политической анатомии – к деконструкции женской субъективности и телесности (Мишель Фуко, Джудит Батлер)

Проблематизация реальности является одной из главных интриг современности. Преодоление метафизической онтологии открыло перспективу имманентного как единственного оплота «реальности», «естественности», «материальности». После «смерти Бога», провозглашенной Фридрихом Ницше, философия обращается к миру, каким он представлен в нашем непосредственном опыте, прежде всего, к миру материальной, видимой реальности. «Пробудившийся, знающий, говорит: я – тело, только тело, и ничто больше; а душа есть только слово для чего-то в теле», – восклицает Заратустра. Таким образом, мир осязаемый, видимый, чувственный, которым в течение многих столетий пренебрегала классическая философия, становится предметом исследования и осмысления.

На первом этапе это исследование тесно связано с уверенностью в том, что само-то это тело, материальный мир, доступный нашему восприятию, являются незыблемыми, несомненными реалиями. Однако затем появляются теории, в рамках которых есте-

ственность разоблачается как плод некоей культурной дискурсивной работы. Таким поворотным пунктом в осмыслении материи и телесности становится в XX в. философия Мишеля Фуко.

Следуя генеалогической методологии Ф. Ницше, он проблематизирует концепцию тела как онтологической и биологической константы. Человеческое тело никогда в культуре не может быть только фактом или биологической сущностью. Человеческая телесность является неотъемлемой частью грандиозного по своей значимости тандема власти-знания: «Тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой».

Мишель Фуко вводит понятие «политической анатомии», которая представляет собой «исследование «политического тела», как совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания».

В своей работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко рассматривает тело, пытаемое и казнимое, и тело, муштруемое, дисциплинированное, вообще тело человеческое как некий культурный конструкт, пронизанный властными отношениями и дискурсивными практиками. Это всегда уже определенным образом понятое, проинтерпретированное, маркированное политическое тело.

Динамика власти такова, что маркирование и политический захват тела, впервые выводящие его на культурную авансцену, делающие тело видимым, осуществляются посредством практик исключения. Производимое дискурсом тело представляется вполне адискурсивным или естественным, что порождает иллюзию онтологической укорененности телесного, противостоящей искусственности культурного поля.

Философия М. Фуко проблематизирует онтологию телесности в двух аспектах.

1. «Видимое» тело объявляется культурным конструктом, воплощающим, материализующим механизмы власти – знания.

2. Дискурсивная заданность, политическая маркированность тела вуалируются властным дискурсом, порождая эффект естественности.

Современная постфеминистская и гендерная философия воспринимает эти принципы в качестве методологической первоосновы. Через них прописывается фундамент экспликации феномена «естественного» в современности, который включает в себя не только «естественное» тело, но и «естественную» половую принадлежность, «естественную» противоположность полов, «естественную» сексуальность и «естественные» способы ее выражения.

Рассмотрение тела в контексте дискурса, предложенное и разработанное М. Фуко, поставило под вопрос категорию естественного как таковую, что позволило по-новому сформулировать и разрешить базовые проблемы феминизма и гендерных исследований. Главным теоретиком, воспринявшим и развившим установки М. Фуко применительно к более широкому спектру проблем, считается ведущий американский гендерный философ Джудит Батлер.

Свой подход Д. Батлер обозначает как стратегию «денатурализации» гендерных и сексуальных различий, которая в большой степени связана с денатурализацией тела и деконструкцией субъекта в фукианской критической онтологии.

1. **Денатурализация тела/пола.** Теоретический феминизм в своих посылах исходит из различения биологической сущности пола (хромосомного, гормонального состава, анатомического строения человека) и социокультурного аспекта половой принадлежности, который с 70-х гг. XX в. принято называть гендером. В отличие от естественного пола, гендер признается искусственной и культурно обусловленной надстройкой.

Утверждение пола как адискурсивной онтологической первоосновы является одним из признаков модернизма феминистской теории, обуславливающего так называемую онтологию естественного. Постфеминистское прочтение этой установки, представленное в философии Джудит Батлер, вскрывает всю проблематичность и противоречивость традиционного деления на пол и гендер.

С одной стороны, гендер признается в качестве определенной социальной надстройки относительно пола, некоторым выражением биологических признаков в социуме и культурной среде.

С другой же стороны, фактическое присвоение гендера связано с жестким репрессивным воздействием культуры, не допускающим никаких альтернатив и свободного волеизъявления.

За несоответствующее выражение гендера предусмотрены наказания. Множество примеров негативного отношения к трансгендерам только подтверждает репрессивные стратегии навязывания гендерной идентичности.

Если бы гендер соответствовал полу, то механизм культурного принуждения попросту бы не существовал. Следовательно, обусловленность идет не от пола к гендеру, а от гендера к полу. Более того, можно с уверенностью утверждать, что биологическая природа пола есть иллюзия, искусственно созданная и утвержденная властным дискурсом. И реальность, которую мы привыкли называть полом, «сама есть исторический конструкт и на самом деле является политической категорией».

Натурализация пола есть по сути лишь одно из множества средств для навязывания определенной гендерной идентичности: человек должен вести себя, одеваться, говорить, думать, как подобает женщине/мужчине, потому что является человеком женского/мужского пола, то есть потому, что этот человек есть женщина/мужчина.

Апелляция к онтологии в данном случае есть репрессивный механизм, с помощью которого индивид соглашается надеть смирительную рубашку гендера. Невозможно утверждать существование мужских и женских тел вне культурного контекста. Тело человеческое, тело, обладающее полом, «замарано» дискурсом и только вследствие этого является существующим, видимым, «реальным».

Что вообще собой представляет женское тело?

Во-первых, это тело, маркированное биологическими признаками женского пола (генетические, гормональные особенности, отличия по строению головного мозга, по внутренним и внешним морфологическим признакам и пр.) Сконструированность данных

отличий означает их интерпретацию; то, что их «видимость» в культуре возможна лишь посредством определенного поля смыслов, заданных бинарной моделью.

Во-вторых, это те особенности женского тела, которые имеют явно выраженную социальную природу, порождены гендерной идентификацией, сконструированы социальным давлением. К таким особенностям можно отнести, например, деформированные ступни (древнекитайская культура), удаление или деформацию клитора и половых губ (как результат клиторэктомии). Осанка, походка и другие подобные признаки, сложившиеся вследствие той или иной степени культурной репрессии «идеала» женской красоты, так же формируют тело, как и особенности первой группы

2. Деконструкция женского субъекта. Сконструированность женского тела неожиданно ставит под вопрос то субстанциальное «мы», на котором базируется классический феминизм.

Если крайне затруднительно говорить о существовании женского тела как такового, то в каком смысле и на каком основании возможна экспликация женщины как субъекта феминистского дискурса? Каков онтологический статус женщины в ситуации денатурализации женского тела?

Женский Субъект – онтологическое основание классического феминизма. Задача женского движения, соответственно, видится в адекватной репрезентации репрессированной женской субъективности в обществе и политике, защита его прав. Но что представляет собой этот женский субъект? Насколько непротиворечиво и «естественно» его существование «до» и «вне» дискурса, требующее своей репрезентации в нем?

Джудит Батлер отвечает на эти вопросы, эксплицируя несколько проблемных аспектов. Во-первых, понятие женщины даже внутри самого феминизма является предметом споров и несогласия. Все попытки сформулировать содержание феминистского «мы» неизбежно приводят к исключению определенной категории людей, считающих себя женщинами, из дескриптивных рамок женского субъекта. Так, например, классический феминизм, опи-

сывая и представляя проблемы европейских женщин, сталкивается с критикой со стороны цветных женщин. Феминизм, определяющий женскую сущность в материнстве, игнорирует интересы тех женщин, которые не могут или не хотят становиться матерями. Во-вторых, понятие женщины обусловлено также и контекстом конкретной исторической эпохи, в зависимости от которого по-разному конституируется само содержание этого термина. В-третьих, категория женщины неизбежно погружена в поле тесной взаимосвязи с категориями, обозначающими другие виды идентичности – расовые, классовые, этнические, сексуальные, региональные.

На основании этих проблемных моментов Джудит Батлер делает вывод о том, что женский субъект является дискурсивным конструктом, не предшествующим условием, но результатом феминистского дискурса. Здесь, по сути, вновь применяется фукианская методология, посредством которой женщина разоблачается в качестве дискурсивного образования и конституируется как предискурсивная естественность.

Не удивительно поэтому, что феминизм, представляя собой довольно мощную политическую силу, изменившую расстановку акцентов в политической и культурной жизни современного человечества, одновременно вызывал и вызывает мощное неприятие среди значительной части того «электората», представлять который он, по-видимому, предназначен.

Показательно также и то, в каком презрительном смысле зачастую употребляется и воспринимается слово «феминистка» теми людьми, которые обязаны феминизму как реализацией своих прав на избирательный голос, собственность и образование, так и вообще уровнем своей жизни, возможностью полноценной и многогранной реализации в современном обществе.

Это восприятие феминизма парадоксально, но обусловлено реальными причинами, а именно, недостаточным уровнем феминистской самокритики, которая не способна признать конструирующую силу собственного дискурса:

Однако с точки зрения Джудит Батлер разоблачение конститутивной силы феминистского дискурса не может привести к «смерти женщины» и «смерти феминизма». Напротив, осознание границ употребления данных терминов является значимым шагом к эмансипации, поскольку впервые открывает женское для переобозначения, освобождая его тем самым от фиксации на позициях традиционной субординации.

Заявления от имени женщин совершенно оправданы в рамках законодательных усилий, демонстраций, радикальных феминистских акций и т.п. политических инициатив. Однако все это не имеет смысла, если не базируется на глубинном понимании противоречивости и относительности любых дефиниций женского субъекта.

Более того, без этого понимания любая апелляция к женщине как к «само собой разумеющейся» субстанции представляет собой механизм, с помощью которого поддерживается традиционная субординация мужского/женского в культуре, то есть достигается и утверждается эффект, прямо противоположный целям и задачам феминизма.

Деконструировать женское, по Д. Батлер, означает раскрыть этот термин к тому *et cetera*, которое исконно лежало в его основании, но воспринималось ранее как то, что должно быть преодолено в фиксированном референте. На самом же деле это путь к выявлению многозначности того, что значит быть женщиной, обретению свободы быть женщиной.

Но что или кто останется под смиренной рубашкой пола после снятия всех дискурсивных конструкторов? Если я не есть женщина, сексуальный объект, эпистемологический субъект, тело, то кто же я? Можно ли в таком случае говорить о ком-то, кто скован традиционным бинаризмом и онтологией естественного и ожидает освобождения через фундаментальную деконструкцию? Или кто-то – это всегда уже субъект, то есть фикция, конституируемая посредством механизмов субъекции?

Какой бы ни была перспектива деконструкции – раскрывающей зияющую пустоту адискурсивного ничто либо, как считает Д. Бат-

лер, тем освобождающим прорывом, который откроет, наконец, дверь в неизведанное, но положительное общество подвижных дефиниций, в любом случае естественное, материальное, телесное больше нельзя воспринимать независимо от языка, власти и дискурса. Онтологический статус этих категорий больше не может считаться бесспорным.

ТЕМА 4

СТРАТЕГИИ ДЕНАТУРАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «МУЖСКОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Дискурсивная стратегия: практики устыжения в социальном дискурсе (Джудит Батлер, Сэджвик Ив Кософски, Майкл Киммел)

Итак, классический философский дискурс рассматривает трансцендентное, внешнее, разумное и мужское в качестве аксиологически приоритетных атрибутов. Совокупность данных категорий образует некую онтологическую, антропологическую и социальную норму. Таким образом, принципы онтологического дискурса накладываются на дискурс социальный, фиксируя между людьми невидимые, но непреодолимые границы. Эталон человека – разумный, активный мужской субъект, чье положение в обществе ассоциируется с властью и выступает мерилем нормативности.

Это определение человека связано сразу с несколькими принципами оппозиционности, а именно: национальность, состоятельность, пол/гендер и сексуальная ориентация. Поэтому в невыгодном положении в распределении общественных страт оказываются не только женщины, но также и разного рода меньшинства, и сами мужчины.

Бинарное распределение социальных страт приводило и приводит к существованию определенных групп людей, общность которых рассматривается как отклонение от человеческой нормы.

Жизнедеятельность социального организма обеспечивается посредством «создания области де-авторизованных, несанкционированных субъектов, пре-субъектов, фигур презрения, населения, вычеркнутого из поля зрения» (Д. Батлер). При этом их существование является необходимым условием существования дуалистически обусловленной общественной системы, а значит, и самой нормы.

Помещение индивида по тому или иному критерию в ранг социальной аномальности называется практикой устыжения.

Queer (англ. – иной) – это идентичность, рождающаяся в результате действия эффектов власти. Человек маркируется в обществе как имеющий аномальную (кривую, Queer) идентичность посредством речевых (или дискурсивных) практик, целью которых является «устыжение субъекта через его наименование». Выражаясь точнее, происходит не устыжение субъекта, а его производство посредством практик устыжения.

Бинарная оппозиционность, будучи базисом социальной стратификации, провоцирует субъективацию двух видов – нормального субъекта посредством «дискурса нормы» и queer-субъекта посредством «дискурса стыда».

Техника власти такова, что создание индивида, имеющего ущербную аномальную идентичность выносится за рамки дискурсивности, представляется предискурсивным. Создается иллюзия того, что дискурс обнаруживает индивида, имеющего queer-идентичность, в то время как дискурс посредством устыжения, «заклучения в чулан» сам создает queer-субъекта, навязывая ему его аномальность в качестве организующего принципа.

Практики устыжения производят женское как Другое мужского, обуславливая парадокс женской субъективности. Женская субъективность реализуется как возможность выбирать против себя или принимать свое объективированное положение.

Деконструкция женского субъекта открывает перформативную природу андроцентризма. Таким образом, онтологический статус категорий «мужское» и «женское» трансформируется от эссенциального к перформативному. Мужчиной и женщиной не рождаются, их роли исполняют в подвижном, но сохраняющем дуальную структуру спектакле западно-европейской социальности.

«Здесь—данный», конкретный человек – он или она, не в смысле сущности, а в смысле «существования в становлении своего гендера» (де Бовуар).

Раскрытие дискурсивной природы дихотомии мужское/женское переводит разговор о человеке, человечности и социальности в перспективу раскрытия множества сопутствующих идентификаций.

Одной из главных социальных оппозиций, базирующихся на дихотомии мужское/женское, является оппозиция нормальной/анормальной сексуальности.

Джудит Батлер утверждает, что анализ дискурсивной природы гендера/пола не может быть адекватным без учета тех социальных практик, посредством которых определенный индивид осуществляется, становится как представитель той или иной сексуальной ориентации.

Фундированная дихотомией мужское/женское гетеросексуальная субъективность рассматривается как безусловная ценность и норма в противовес субъективности гомосексуальной. Данная логическая схема обусловлена так называемой «принудительной гетеросексуальностью», политикой подавления или вытеснения гомосексуального за рамки социальной нормы, производством гомосексуального субъекта посредством «дискурса стыда».

Так же, как дихотомия мужское/женское держится на мнимом существовании единого и непротиворечивого мужского (или женского) субъекта, дихотомия сексуальной идентичности полагает гетеросексуальное желание необходимой составляющей нормальной гендерной (половой) идентичности, то есть предполагает существование гетеросексуального субъекта.

Индивид имеет право артикулировать только то сексуальное желание, которое соответствует совершенно определенным параметрам его гендерной идентичности. Эта легитимирующая и исключаящая взаимосвязь и определяет тот порядок социальности, который Д. Батлер характеризует как «принудительный порядок пола/гендера/желания».

Интеллектуальный гендер – гендерная идентичность, характеризующаяся «внутренней согласованностью» и «целостностью личности», представляет собой не опытную данность с фиксированными реальными свойствами, но социально сконструированный эталон, поддерживаемый нормами интеллектуальности. Под «интеллектуальностью» Джудит Батлер понимает некое условие, посредством которого производится и сохраняется согласованность между полом, гендером, сексуальными практиками и желанием.

Нормативная природа интеллектуального гендера обнаруживается посредством анализа существования таких индивидов, жизненные практики которых не реализуют единство и согласованность пола/гендера/желания, то есть не вписываются в регулятивную схему бинарных оппозиций

Эти существа, на первый взгляд «выпадающие» из общей схемы становления гендерной идентичности, на самом деле также имеют дискурсивную природу, поскольку их аномальность поддерживает бинарный принцип гендерной схематизации как таковой.

То есть в становлении аномальной (в данном случае не гетеросексуальной) идентичности формирующими выступают все те же практики устыжения и исключения, что работают в становлении классической гендерной дихотомии мужское/женское.

Эти «призраки прерывности и несогласованности» производятся и запрещаются тем же самым дискурсом нормальной гендерной интеллектуальности. Само существование индивидов с аномальной (несогласованной) гендерной идентичностью раскрывает репрессивную природу гендерной схематизации.

«Гендерный хаос» возникает из анализа деструктивной возможности, заложенной в самой связи пола/гендера/желания, то есть в самой схеме интеллигибельности. Если быть (становиться) мужчиной/женщиной означает желать представителя противоположного пола/гендера и стремиться к реализации этого желания в соответствующих практиках, характеризующихся определенным порядком гетеросексуальности, то опрокидывание порядка гетеросексуальности ставит под вопрос и существование пола/гендера.

Категория пола «рассеивается при разрыве или сдвиге гегемонии гетеросексуальности» (Д. Батлер) поскольку сама является своеобразным знаком сексуальности, маркирующим каждое тело в социуме для того, чтобы его можно было включить в общий порядок принудительной гетеросексуальности или исключить из него.

Бинаризирующий дискурс производит категорию пола в качестве адискурсивного основания или эссенциальной «причины» сексуальности, понуждающей индивида проявлять себя «соответственно своей сущности», то есть как мужчина (желая и добываясь женщину) или как женщина (желая мужчину и уступая ему).

Таким образом, пол выступает как скрытый (мнимо адискурсивный) механизм направления сексуального опыта, и именно поэтому разоблачение одного приводит к выявлению сконструированной природы другого.

Андроцентризм, равно как гетеросексизм, возможны лишь при господстве убеждения в эссенциальной адискурсивной природе пола/желания. Денатурализация пола/желания раскрывает эти феномены в качестве грандиозного культурного перформанса, который формирует, «присочиняет» субъектов пола/желания для репрессивного обеспечения собственной гегемонии.

Таким образом, гендерная идентичность «перформативно конституируется теми ее «проявлениями», которые считаются результатами ее существования». Итак, гомо идентичность представляется в дуальном социальном дискурсе несогласованной и аномальной. Эта аномальность фундируется существованием некой адискурсивной нормы, а именно нормы интеллигибельного гендера.

Какие перспективы имеет индивид, принявший «устыженную субъективность» в качестве своей гендерной идентичности? Во-первых, как замечает Сэдживик Ив Кософски, раскрытие культурной обусловленности феномена вовсе не облегчает возможное или желаемое освобождение от ее репрессивного воздействия. В классической дихотомии культурное/природное первый элемент не является в какой-либо степени более подвижным, «легким», чем второй. Само сопротивление универсализирующей гендерной схематизации, возможно, является частью этой программы, «высвечивающей» властные установки ее подавляющей гегемонии. Во-вторых, «устыженная субъективность» или гендерная идентичность, как продукт описанных выше механизмов соотнесения конкретных сексуальных практик с нормой интеллигибельного гендера, не является лишь внешней схемой, налагаемой политическим дискурсом на другую «истинную субъективность», которую первая якобы угнетает и девальвирует. Субъективность является внутренним самоосознанием индивида, а следовательно, пронизывает разнообразные сферы самопонимания, само презентации в социуме, представлений о своей соотнесенности с иными родами реальности.

Субъективность определяет самостийность индивида, а, значит, «устыженная субъективность» формирует индивида как носителя совершенно своеобразного, по выражению Кософски, «чуланного» менталитета. В рамках этой ментальности неотъемлемыми являются такие черты, как осознание своей аномальности и отчаянное желание ее преодолеть посредством раскрытия или сокрытия своей субъективности.

Как отмечает Кософски, «даже на индивидуальном уровне, среди самых открытых геев найдется очень мало тех, кто не скрывает намеренно свою ориентацию от людей, значимых для них в личном, экономическом или институциональном смысле...

Гомо идентичность сопряжена с еще большей репрессивностью, чем женская субъективность, поскольку отождествление женского с постоянной привлекательностью для мужского избав-

ляет женщин от обязанности дополнительно информировать окружающих о своей «устыженной субъективности».

Женщина «носит» свою гендерную маркировку непрерывно в артикулирующих знаках телесности: походке (сформированной ношением определенной обуви), жестах (сформированных посредством поощрения изящности), лице и руках (пропитанных разнообразными косметическими средствами) и т.п.

Однако и те и другие своей репрезентацией только подчеркивают безусловность социальной нормы мужского/гетеросексуального.

Маргинализованная маскулинность. Дискурсивный порядок пола/гендера/желания поддерживается социальным страхом. Боязнь оказаться вне нормы интеллигибельного гендера создает дополнительную мотивацию для артикуляции индивидом своей реальной или мнимой дистанцированности от устыженных субъективностей. Но больше всего, как это ни парадоксально, «страх стыда» и «стыд страха» пронизывает тех индивидов, субъективность которых конституируется в качестве нормальной.

В своей работе «Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности» известный американский социолог Майкл Киммел постулирует гомофобию едва ли не самым важным механизмом формирования мужской/гетеросексуальной идентичности

Причина этой влиятельности гомофобии касается неоднородности в практиках становления мужчиной, а именно: не каждый обладатель мужской гендерной идентичности может претендовать на репрезентацию нормальной (интеллигибельной) мужественности.

Сила, ум, физическое развитие, способность контролировать ситуацию – все эти атрибуты мужественности на самом деле определяются посредством отрицания, это черты не свойственные женщинам и по этой причине отличающие настоящего мужчину от подделки. Настоящий мужчина – не женщина, а значит, он тот, кто может и должен утверждать свое отличие посредством обладания женщиной, посредством демонстрации своей гетеросексуальности.

Этот конститутивный для мужского императив гетеросексуальности является одновременно причиной неперестанного глубинного страха, основа которого коренится в постоянной возможности не продемонстрировать, не осуществить свою гетеросексуальность или осуществить и продемонстрировать ее неверно и противоречиво, вызвав тем самым подозрения в подлинной природе своей маскулинности.

Перформанс гетеросексуальности становится главной целью маскулинности. Однако невозможно достичь того желанного момента, начиная с которого доказательства уже не нужны и мужская идентичность окончательно сформирована в качестве «настоящей» и ни у кого не вызывает сомнений. Недостижимость эталона является залогом продолжения бесконечной напряженной драмы завоевания статуса подлинной маскулинности, доказательства недоказуемого.

Маскулинность представляется перформансом, субъективирующим гегемонную маскулинность в качестве мнимой достижимой цели и ущербную маскулинность в качестве устыженного субъекта, самосознание которого наполнено страхом и стыдом.

Таким образом, благодаря социальному страху, в конечном счете, поддерживается та самая модель гетеронормальности, которая в дискурсивном режиме продуцирует социальный страх. Субъективирующая роль данной модели проявляется двумя основными механизмами: практики нормативности и практики устыжения.

Первые постулируют социальную норму интеллигбельного гендера, недостижимую в полноте по причине своей перформативности. Перформативность есть процесс демонстрации необходимых признаков нормы, он не предполагает возможным конечное обладание этими признаками. Вторые же субъективируют аномальную идентичность, создавая самосознание женской субъективности, гомо идентичности и маргинализованной маскулинности.

Существование «устыженных субъективностей» необходимо для поддержания дуалистической структуры общества. Индивиды, принимающие такой тип идентичности, обречены как на второсте-

пенное положение в обществе, так и на совершенно определенные проявления насилия (морального и/или физического), удерживающие их в этом положении.

С другой стороны, социальное насилие распространяется и на внутренние процессы самоосознания и самопонимания «устыженных субъектов», поскольку последние становятся обладателями «чуланного менталитета», пронизывающего их жизнь страхом и стыдом.

Генеалогия устыжения, таким образом, открывает подавляющую пронизанность социального дискурса техниками бинаризирующей субъекции, высвечивающей фундаментальную зависимость субъектов нормы и субъектов устыжения от дискурса.

Символическая стратегия (Пьер Бурдьё)

Тема «мужского господства» появляется в творчестве Пьера Бурдьё в связи с двумя значимыми аспектами. Во-первых, в культуре средиземноморской Кабилии (район Алжира), которая долгое время была предметом исследовательского интереса П. Бурдьё, традиционно акцентируется мужественность как социально значимая характеристика. Сама дихотомия маскулинное/фемининное в этой области становится явно прочерченной, «осязаемой» для исследователя. Во-вторых, символическое насилие, переплавляющее объективные структуры социума в ментальные установки субъекта вряд ли может иметь более яркое и актуальное в большей или меньшей степени для каждого человека выражение, чем в стратегии и практиках гендерной схематизации.

Средиземноморье представляет собой ареал с явно выраженной подчеркнутой ориентацией на маскулинность. Эта особенность прослеживается со времен Древней Греции, культура которой является фундаментом всей западно-европейской цивилизации. Однако для большей эффективности исследовательского труда необходимо анализировать то общество, которое может быть непосредственно наблюдаемо. Такое наблюдение может раскрыть весь «универсум социальных отношений». Кабилия выступает уни-

кальным единством традиционных средиземноморских установок, с одной стороны, и доступности во времени, с другой.

Пьер Бурдьё обращает внимание на полную «естественность» привилегированного положения мужчин в обществе Кабилии. Оно предстает как исконный нерушимый «порядок вещей».

Объективные принципы социального устройства находят отражение и подтверждение в ментальных установках индивидов. Корреляция субъективного и объективного, таким образом, выступает залогом легитимации существующего гендерного порядка, вследствие чего доминирующее положение мужского пола выглядит как само собой разумеющееся, неизбежное, природное

Ориентация на маскулинность предполагает отождествление мужского и человеческого. Нормативность мужского полагает и легитимирует ряд бинаризирующих оппозиций, встраиваемых в социальное пространство посредством бесконечно повторяющихся мифоритуальных практик противопоставления подлинно человеческого/истинно мужского и женского.

Данные практики пронизывают фактически все проявления социальной сферы, распределяя их в соответствии с двумя символическими полюсами: мужского (внешнего, активного, уважаемого) и женского (внутреннего, пассивного, недостойного).

Это распределение проявляется также в общепринятом представлении о том, к какому роду деятельности «естественно» предрасположены представители того или иного пола.

Так, для Кабилии это соответствие предельно наглядно. Женщины предназначены для выполнения самой малопrestижной, монотонной и даже унижительной работы. В то время как мужчинам атрибутируются наиболее публичные, зрелищные, рискованные виды деятельности.

Таким образом, поляризация мужского и женского образа жизни методично подтверждается самим устройством социальной жизни, ритуально повторяющимся в объективной жизнедеятельности социума и субъективно воспроизводимым в установках, ожиданиях и восприятиях индивидов.

Особой убедительности данный процесс натурализации достигает благодаря соматизации. Соматизация означает, что бинарность ментальных установок, равно как и бинарность внешнего социального порядка, находит свое последнее подтверждение и «естественную» реализацию в телах социальных агентов, которые превращаются в носителей субъективно/объективной дихотомии и демонстрируют, таким образом, нерушимый «природный» характер гендерной поляризации и субординации.

В соответствии с указанным принципом продуцируются два типа телесности, существенные черты которых воплощают противоположность между двумя социальными/ментальными полюсами.

Тело начинает демонстрировать символическое распределение социальных ролей, реализуя и одновременно легитимируя символическое насилие, репрессивно разделяющее социум на «естественно» доминирующих и «естественно» доминируемых.

Женщины Кабилии, например, будучи предназначены по общему представлению для работы в согнутом состоянии (сбор плодов низкорастущих растений, прополка, перенос зерна или навоза на собственной спине) воплощают при этом понятие «кривое», противопоставляемое всему прямому, что, безусловно, может быть преимущественно атрибутировано мужскому полу.

Согнутое положение символизирует кривость, которая, в свою очередь, связывается с определенными чертами характера.

Именно поэтому одной из значимых черт женского характера традиционно признается хитрость: если уж женщина и проявляет свою индивидуальность, то это не может произойти «прямым» способом, но лишь в обход, исподтишка, криво или коварно.

Таким способом образуется крепкая соматопсихосоциальная связь: согнутое-хитрое-подчиненное.

Что заставляет женщин снова и снова из поколения в поколение занимать эту социальную нишу?

Сообразуя свой внутренний мир и свои внешние проявления (в том числе позы, походку, жестикуляцию) с дуалистической соци-

альной схемой, женщина в определенный момент своей жизни все-таки «дает согласие» на соответствие униженному положению.

Без этого согласия система не могла бы функционировать. Общность смыслового поля культуры представляет женщинам сложившийся порядок вещей как неизбежную природную данность и тем самым вынуждает их признать легитимность системы и занять в ней соответствующую позицию.

Таким образом, внутренние установки субъекта (являющиеся продуктами длительного социального внушения) объективируются во внешнем социальном порядке, который в свою очередь посредством согласия социальных агентов вновь инкорпорируется в сознание и телесную организацию следующего поколения индивидов.

Безусловно, согласие не дается посредством серьезного осмысленного решения. Скорее принятие бинарной социальной модели основывается на бессознательном восприятии неотрефлексированных схем мышления.

Индивид принимает к оперированию данные схемы, исходя из убеждения/ощущения, что они являются единственно возможными, бытийными основами всякого социального существования.

Это выражается, в частности, и в использовании якобы нейтральных категорий для самопонимания и самообозначения.

Поскольку большая часть используемых в социуме категорий встроена в систему отношений господства, характеристика себя с помощью определенного набора атрибутов уже сама по себе является частью механизма включения.

Символическое насилие, проявляющееся в невидимых механизмах инкорпорирования и натурализации сконструированных бинарных социальных схем, представляет собой сущность мужского господства.

Без этой репрессивной составляющей подчеркнутая ориентация на норму маскулинности в культуре просто не могла бы занимать столь бесспорные и безальтернативные позиции.

Главная точка приложения символического насилия касается телесности, а именно: формирования особого феномена культуры,

демонстрирующего естественность и незыблемость гендерной поляризации и субординации – феномена пола, полового измерения телесности. Габитус как инкорпорированная система практически ориентированных схем восприятия, мышления и действия производит структуры мира и телесности, имеющие половое измерение.

Половое измерение телесности, таким образом, не является биологической эссенциальной данностью. Тело конструируется в соответствии с бинарностью традиционной социальной модели, а следовательно, воплощает один из двух легитимированных вариантов половой дихотомии.

Символическое насилие в первую очередь осуществляется посредством маркирования тел, при котором биологически нейтральное тело воспринимает половое измерение и становится его символическим носителем, в прямом смысле демонстрируя бинарные оппозиции в двух противоположных способах самопредставления.

Обретшее благодаря телу видимость естественности, эссенциальности, бытийности, половое измерение призвано обратить на себя внимание других социальных агентов и вовлечь их таким способом в общую биполярную систему социальности.

Анатомические различия между телами, особенно в плане репродукции, асоциальны.

Однако как любая объективность в мире эта первоначальная дифференциация могла бы дать основания для различных интерпретаций.

То, что первичное разграничение базирует биполярную половую модель, – признак вовлеченности тела в определенные интерпретативные схемы. Сам пол – знак этой вовлеченности.

«Сексизм — это эссенциализм», более того, это практически самый трудноискоренимый вид эссенциализма, поскольку его основания «прочитываются» в телах, запечатлены в них и своей «биологической» очевидностью «требуют» реализации скрытого в них содержания.

Половое измерение телесности в данном контексте может быть понято как императив гендерной поляризации и субординации.

Императив, ставший видимым и осязаемым, демонстрируемый как бытийная неизбежность каждым социальным агентом.

Инкорпорированность бинарной социальной схемы в тела и сознание социальных агентов является условием функционирования всей системы.

Производство доминирующих и доминируемых, а также четкой границы между ними признается настолько естественным, что борьба с существующим положением вещей оказывается просто невыполнимой.

Женщины в этих отношениях господства сами «работают» на бинарную социальную модель, поскольку воспринимают и мыслят происходящее в тех же категориях, что и мужчины.

Наиболее явно эта бессознательная поддержка бинарного социального режима проявляется тогда, когда формально область женских прав и свобод в обществе расширяется (законодательно вводятся права голоса, образования, доступа к определенным профессиям). Внешнее исключение женщин из ранее запретных областей сменяется их самоисключением, поскольку униженная социальная ниша, внедренная в их тела и сознание, является не столько внешним фоном их жизни, сколько самим способом существования.

Разрыв системы сексизма труднодостижим не только посредством внешнего воздействия (наподобие рассмотренного выше – законодательно), но и посредством личного волевого решения одного или группы социальных агентов.

Те, кто желает приступить к реформированию и либерализации существующей системы, несомненно, обладают телами, которые в свою очередь уже являются носителями информации, принуждающими своих обладателей как минимум воспроизводить определенный набор жестов, особенностей походки, мимики, включенный и одновременно включающий агента в сеть разнородных поляризирующих механизмов.

В такой же степени эта власть тела обуславливает способ существования доминирующих: посадка головы, осанка, походка создают чувство дистанции и его социальные проявления само собой, то есть еще вне и до всякого внешнего воздействия.

Таким образом, социальные агенты являются безусловными заложниками своих тел, сформированных посредством инкорпорирования внешних социальных схем и определяющих также набор категорий сознания, восприятия, мышления и действия.

В итоге социальное пространство заполняется мужскими и женскими телами, на визуальном и ментальном уровнях демонстрирующими «естественность» полового измерения тел, «естественную» противоположность полов, а также «естественность» доминируемого положения женщин.

Эта биологизированная социальность на телесном уровне облекает в жесты, позы и манеры дуалистический принцип общественного устройства. При этом агенты, являющиеся носителями тел мужского и женского пола, ориентированы на маскулинность как на социальную норму, отводя женщинам роль «тени», призванной подчеркивать безусловность основного императива, его безальтернативность.

Особенно выразительно это искусственно создаваемое женское предназначение проявляется в процессе социализации мальчиков, весь сложный путь которой направлен на постепенное отмежевание от всего женского/материнского.

От подкладывания, в Кабилии например, в постель к роженице и новорожденному атрибутов мужественности, таких как нож или камень, до ритуальной стрижки волос, выхода на рынок и обрезания.

Весь ход оужествления предполагает обретение мальчиком позитивного/мужского содержания, что возможно лишь посредством дистанцирования от женского.

Иметь тело, маркированное полом; проявлять это половое измерение, в том числе и в четко регламентированных отношениях с противоположным полом (призванных воспроизводить бинаризирующий дискурс культуры из поколения в поколение) – таков политический посыл соматизации.

Посредством телесности как универсального запоминающего устройства объективные отношения господства визуализируются и инкорпорируются в сознание социальных агентов.

Вследствие этой легитимирующей функции тела оно может быть понято и рассмотрено как тело политическое.

Политика, будучи фундирующим элементом описанной социальной игры, продуцирует распределение индивидов на две противостоящие друг другу, но в целом поддерживающие сконструированный социальный порядок, группы.

Одна из этих групп воспринимает и затем воспроизводит доминируемое общественное положение, другая же пользуется некими трансцендентальными предпочтениями и образует группу доминирующих.

Неверно думать, однако, что мужчины как привилегированная группа находятся в объективно лучшем положении. Содержание категории «мужественность» выстроено на противопоставлении мужского и женского, а значит, существенно зависит от своей противоположности. Такая корреляция, является источником постоянного страха, который сопровождает индивидов мужского пола. Это страх возможного слияния с женским, возможного провала в достижении нелегкой задачи становления мужчиной. Страх, вызываемый женственностью, делает доминирующую группу социальных агентов заложниками собственных социальных предпочтений, их «пленниками» и даже «жертвами».

Становление мужчиной предполагает, таким образом, как наличие определенных прав, так и наличие обязанностей, главной из которых является обязанность подтверждать свою мужественность.

Очевидно, что момент, когда мужественность окончательно достигнута, невозможен, поскольку угроза слияния с женственностью непреходяща. В итоге и женщины, и мужчины, в прямом смысле сконструированные социумом в своем половом измерении, вынуждены воспроизводить отношения господства, в которых по существу ни один агент не является господином, но все так или иначе соподчинены друг другу, и вместе – бинаризирующему социальному дискурсу.

Женщины реализуют свое подчиненное положение посредством того, что уступают общественное пространство, область по-

литики и серьезных дел мужчинам. В то же время мужчины подчиняют свою жизнь погоне за капиталом маскулинности в надежде обосновать свое привилегированное положение.

«Обмен женщинами» – это процесс, благодаря которому мужчины обосновывают свою мужественность, используя женщин как объекты.

Демонстрация обладания этими объектами (права такого обладания закрепляются за отцом, мужем или братом), а также умелая манипуляция ими (например, зачатие наследника мужского пола, количество таковых наследников) существенно повышают социальный статус мужчины.

Положение дочери, жены или сестры представляется, таким образом, естественным предназначением женщины, в свете которого она воспитывается, для которого она приуготовляется не только ментально, но и телесно (обретая специфические навыки держать себя и ухаживать за собой, предлагая себя мужчине как ценный предмет для его самоутверждения).

Символическое насилие, являющееся властным нервом культуры, пронизывает всю область социального, конструируя и принуждая к воспроизводству в телах и сознании социальных агентов базовой дихотомии прямое/кривое, внешнее/внутреннее, активное/пассивное, мужское/женское.

Вследствие этих репрессивных механизмов социальное пространство оказывается наполненным телами, запечатлевшими в себе фундаментальный императив маскулинно ориентированной культуры.

Гендерная поляризация и субординация представляются, таким образом, натурализованными диспозициями социума, демонстрирующими неизбежность и безальтернативность традиционного социального порядка.

ТЕМЫ ДОКЛАДОВ И РЕФЕРАТОВ

1. Философские предпосылки становления гендерных исследований.
2. Понятие «гендер», его отличие от понятия «пол»: целесообразность данного различения.
3. Методологическое значение понятия «гендер» в философии.
4. Основные подходы к представлению «женского» и «мужского» в античной философии.
5. Представления о взаимоотношениях полов в Средние Века.
6. Представление «женского» и «мужского» в период Нового Времени.
7. Тема «пола» в русской философии на рубеже XIX – XX веков.
8. Теории пола в «неклассической» философии XX века. Понятия языка, дискурса, власти и субъективности.
9. Стратегия соблазна: Ж.Бодрийяр о природе «женского».
10. М. Фуко: концепция тела как эффекта власти.
11. Ж. Делез: концепция желания как производства.
12. Основные этапы женского движения.
13. Феминизм: либеральное, социалистическое и радикальное направление.
14. Феминизм и психоанализ: проблема гендерной идентичности.
15. Современный феминизм: основные подходы к проблеме «женской природы».
16. Феминизм и христианство. Полемика о женском священстве.
17. Феминизм и постфеминизм: сходства и различия.
18. Проблематизация идентичности в постфеминизме.

19. Противоречия и проблемы в теории современного феминизма.

20. Феминистские и гендерные исследования: соотношение.

21. Основные фазы развития гендерных исследований.

22. Основные теоретические школы гендерных исследований.

23. Теория социального конструирования гендера.

24. «Гендерная философия»: переосмысления оснований традиционной бинарной парадигмы мышления.

25. Теоретико-методологические основы гендерных исследований.

26. Эпистемологическая значимость гендерных исследований.

27. Гендерная актуализация философско-антропологического дискурса.

28. Гендерная философия в России: проблемы и перспективы.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Основные понятия гендерной теории: пол, гендер, сексизм, феминизм, «волны» феминизма, патриархат, гендерные исследования.

2. «Мужское» и «женское» в классическом философском дискурсе: натурфилософия, античная классика, средние века, новое время.

3. «Мужское» и «женское» в классическом философском дискурсе: апогей классической интерпретации. Артур Шопенгауэр «О женщинах».

4. «Пограничные» концепции пола в классической философии: Отто Вейнингер и Георг Зиммель.

5. Экзистенциальная стратегия денатурализации категории «женское» в современной философии: от женской сущности к женской ситуации (Жан - Поль Сартр, Симона де Бовуар).

6. Дискурсивная стратегия денатурализации категории «женское» в современной философии: от политической анатомии к деконструкции женской субъективности и телесности (Мишель Фуко, Джудит Батлер).

7. Дискурсивная стратегия денатурализации категории «мужское» в современной философии: практики устыжения в социальном дискурсе (Джудит Батлер, Сэдживик Ив Кософски, Майкл Киммел).

8. Символическая стратегия денатурализации категории «мужское» в современной философии (Пьер Бурдьё).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадентэр Элизабет*. Мужская сущность / пер. с фр. И.Ю. Крупицовой, Е.Б. Шевченко. – М.: Изд-во «Новости», 1995. 304с.

2. *Батлер Джудит*. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 297 – 346.

3. *Батлер Джудит*. От пародии к политике // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.

4. *Батлер Джудит*. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / сост. Э. Гарри, М. Пирсел; пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 292 – 303.

5. *Батлер Джудит*. Психика власти: теории субъекции / пер. Завена Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с.

6. *Батлер Джудит*. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 235 – 257.

7. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 336 с.

8. *Бовуар С. де*. Второй пол: в 2 т.; пер. с франц. / под общ. ред. С.Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.

9. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма / пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2000. 304 с.

10. *Бурдьё Пьер*. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286 – 365.

11. *Вейнингер О.* Пол и характер. М.: ТЕРРА, 1992. 480с.

12. *Гилмор Д.* Загадка мужественности. // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 880 – 904.

13. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности [пер. с англ.]. Ин-т соц. и гендер. Политики. М.: РОССПЭН, 2005. 259с.

14. *Гросс Элизабет.* Изменяя очертания тела. Гендерная проблематика в философии. // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Издательство «Алетейя», 2001. С. 599–622.

15. *Дьяков А.В.* Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010.

16. *Жеребкин Сергей.* Гендерная проблематика в философии.// Введение в гендерные исследования. Ч. I: учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Издательство «Алетейя», 2001. С. 390-426.

17. *Киммел Майкл.* Гендерное общество / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 464 с.

18. *Киммел Майкл.* Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности / пер. И.В. Кривушина // Гендерные исследования. Харьков, 2006. № 14. С. 34–52.

19. *Зиммель Георг.* Женская культура / Зиммель Георг. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 234–265.

20. *Кон Игорь.* Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009. – 1406 с.

21. *Кон Игорь.* Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. I: учебное пособие / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 562 – 604.

22. *Кон Игорь.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2004. 496 с.

23. *Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с англ. В.В. Федорина. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 400 с.

24. *Мондимер Френсис Марк.* Гомосексуальность: Естественная история / пер. с англ. Л. Володиной. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. 333с.

25. *Окладникова Е.А.* Аксиосфера мужского // Мужской сборник. Вып.2. «Мужское» в традиционном и современном обществе: Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «мужского». Мужской фольклор / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М.: Лабиринт, 2004. С. 13–24.

26. «*Прочти мое желание...*». Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.

27. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

28. *Спендлер Дейл.* Мужчина создал язык // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под. ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 775–783.

29. *Сэдэжвик, Ив Кософски.* Эпистемология чулана // Пер. с англ. О. Липовской, З. Баблюяна. М.: Идея-Пресс, 2002. 272 с.

30. *Ушакин С.А.* Поле пола. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 320 с.

31. *Фуко Мишель.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.

32. *Фуко Мишель.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. Москва; Касталь, 1996. 448 с.

33. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и истины: Соч. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2001. 736 с.

34. *Этинген Л.Е.* Половые органы мужчины и женщины // Человек. (2010). М.: Наука, 2010. № 6. С. 165–172.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Тема 1. Введение. Цели курса. Основные понятия гендерной теории	5
Тема 2. «Мужское» и «женское» в классическом философском дискурсе	8
Апогей классической интерпретации: Артур Шопенгауэр «О женщинах».....	11
«Пограничные» теории классического периода: Отто Вейнингер и Георг Зиммель.....	13
Тема 3. Стратегии денатурализации категории «женское» в современной философии	21
Экзистенциальная стратегия: от женской сущности к женской ситуации (Ж.- П. Сартр, С. де Бовуар).....	21
Дискурсивная стратегия: от политической анатомии к деконструкции женской субъективности и телесности (Мишель Фуко, Джудит Батлер).....	28
Тема 4. Стратегии денатурализации категории «мужское» в современной философии	35
Дискурсивная стратегия: практики устыжения в социальном дискурсе (Джудит Батлер, Сэдживик Ив Кософски, Майкл Киммел).....	35
Символическая стратегия (Пьер Бурдьё).....	43
Темы докладов и рефератов	52
Вопросы к зачету	54
Литература	55

Учебное издание

Хитрук Екатерина Борисовна

**Гендерная проблематика
в современной философии**

Учебное пособие

Редактор К.Г. Шилько

Подписано к печати .27.07.2015 г. Формат 60×84¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печ. л. 3,8.
Усл.-печ. л. 3,5. Тираж 50 экз. Заказ № 1138

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011
Тел. 8+(382-2)-52-98-49

ISBN 978-5-94621-482-7

9 785946 214827